

Письмо Вадима Свирского к его сестре
С.-Петербург, 14-го февраля 18... г.

I

Сестра! какая мысль родилась в твоём воображении? Откуда любопытство в этом воображении, всегда спокойном, беспристрастном, холодном, как лед, покрывший теперь мои окна?... Чего хочешь ты от меня? Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе и подробно и откровенно все, что было со мною в эти четыре месяца, проведенные мною в Москве!

Но для чего же не просишь ты восторженного употребителя опиума, чтобы он поведал тебе о тысяче волшебных приключений, в часы искусственного сна с ним бывших? Почему не требуешь ты, чтобы он передал тебе в словах земных, в словах человеческих те радости, те чувства, те ощущения вне предела бытия нашего, которые посылает ему упоительная сила употребляемого им напитка?

Друг мой! чары любви, как чары опиума, понятны только тем, кто испытал их! Непосвященным не дано проникнуть в их загадочную повесть, и голос страстей всегда останется диким и чуждым для бесстрастия. А ты – что может быть невиннее и безгрешнее твоей души, тихо развившейся в тесном мире домашней жизни, в уединении и молитве? Горлица хочет изведать стихию саламандры. И как рассказать, как описать мне огненные порывы моего сердца, знойные дни моего счастья? Предприятие безумное!

Язык человеческий слишком беден, слишком ничтожен – не ему выражать богатства нашего сердца, и рассказ любви, как портрет красавицы, вечно останется не удовлетворительным, неполным.

Видно, впрочем, что ты не любила! Иначе ты не говорила бы так просто: "Хочу, мой Вадим, хочу знать, кто эта очаровательница, отнявшая у нас лучшую часть твоего сердца и для которой так бессовестно укоротил ты свое пребывание у нас, свидание, вымоленное многолетними желаниями старого отца и бедной, одинокой твоей сестры? Отпиши же мне, где и как ты с ней познакомился, как вы сошлись, как объяснились, какие надежды теперь ты имеешь – словом, все, да, все, что относится до поездки твоей в Москву, что было с тобою, ежедневно, ежеминутно..."

Признаться, друг Катя, эти строки показались мне так странны, что я придумать не мог, как мне на них отвечать! Если бы не тесная дружба, связавшая нас от младенчества, если бы не всегдашняя снисходительность твоя, вполне снискавшая мою доверенность – я не решился бы поделиться заветной тайной моего сердца, первыми порывами первой, но вечной любви. Не уважить твоего желания была бы неблагодарность, и я попытаюсь – слышишь, сестра, – попытаюсь высказать в мертвых словах мои живые чувства.

Мы росли вместе, и ты знаешь, каким светлым мечтанием я предавался, рисуя мысленно черты и прелесть женщины моих безотчетных грез; ты знаешь, какими восторгами заранее пылала душа моя для чистого идеала отроческих дней, но ты не знаешь, но ты не можешь понять, как жестоко существенность разбила эти надежды, эти сны, как страдал я, когда беспрестанные опыты приводили меня к новым обманам и каждая встреча отнимала у моего сердца по заблуждению, у моей души по верованию. Я должен был признаться себе, что воображаемая была слишком неземная, что мне не найти ее на земле – и пламенное исступление, для нее приготовленное, я заменил пошлыми впечатлениями, столь же легко забываемыми, как сны с пробуждением. Мне жаль было отдать мое сердце, все сердце той, которая не могла понять его. И я дробил его на мелкие искры неполных чувств. И я оставался равнодушным к деревенскому кокетству наших соседок и к гордой неприступности петербургских красавиц. Никогда голос страсти не пробуждал моей души, никогда умиление не повергало меня в прах пред милым существом! Я насильно забирал себе в голову двухдневную фантазию – но только для того, чтобы следовать обычаю, чтобы не отставать от резвых товарищей моей молодости. Рассудительно и медленно обдумывал я свои планы; холодно приступал к их исполнению; систематически брал кольца, ленты, волосы; спокойно, раскуривая трубку, писал письма, пылавшие страстью; получал записочки на